

Крокодил

№ 30

МОСКВА, ОКТЯБРЬ
Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

1933

МЕЧТЫ, МЕЧТЫ, ГДЕ ВАША СЛАДОСТЬ?..

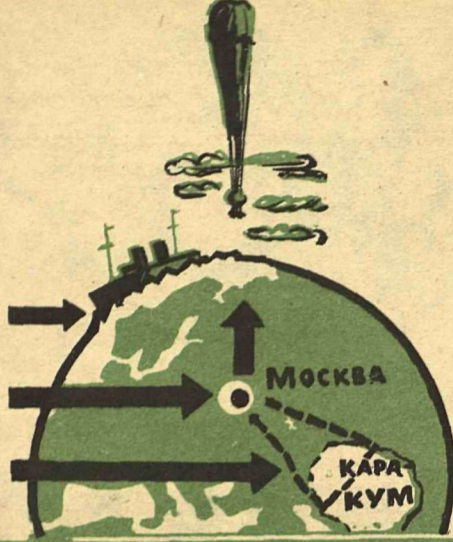
Фотомонтаж Б. Клинча
(тема Я. Бельского)

— Если б посадить за решетку всю землю, да поодиночке людей выпускать, — как можно было бы чудесно и спокойно жить!..

на Севере наши ледоколы покорили льды.
в Центре Союза наш стратостат побил мировой рекорд.
на Юге наши автомобилисты победили пустыню Кара-Кум.

МОЖЕТ ЛИ ПОСЛЕ ЭТОГО
„Крокодил“
СПОКОЙНО ОСТАВАТЬСЯ НА
МЕСТЕ? НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ.
И ВОТ ОН РЕШИЛ ЛЕТАТЬ.

Больше того! „КРОКОДИЛ“
УЖЕ ЛЕТАЛ. Мало этого!
АЭРОПЛАН „КРОКОДИЛА“ БУ-
ДЕТ ПЕРЕДАН В АВИАЦИОН-
РИЛЬЮ ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО

Вы хотите знать о подроб-
ностях крокодилийего плана?

Читайте специальный увеличенный выпуск „Крокодил“ — авиации

В номере рассказы: В. Катаева — „Соня Бузулук“;
И. Ильфа и Е. Петрова — „Счастливого отца“; Я. Бель-
ского — „Как мы летели“. Арк. Бухова — „История
четырех островов“; В. Ардова — „Научный рассказ“;
Бен-Гали — „Защитник“ и др. Стихи не на тему —

ЦЕНА СПЕЦИАЛЬ-
ВЫПУСКА — 1 РУБ.

В. Лебедева-Кумача; „Мартышка и очки“ — М. Пусты-
нина“ и т. д.
Рисунки художников: Л. Бродаты, Ю. Ганфа, К. Ели-
сеева, Нукрыникозы, А. Радакова, К. Ротова, А. То-
пикова и др.

ДВА МИРА

На жадных стариков и ирашенных отарух
Все отраны буржуазные похожи,
От них идет гнилой тлетворный дух
Склерозных мыслей и невожей ко-
жи.

Забывтой юности не видно и следа,
Позорной зрелости ушли бывшие
Свойства...
Ни мускулов, окрепших от труда,
Ни красоты, ни чести, ни геройства.

Надет парик на впалые виски,
И кровь полна лекарствам и водою,
Но жадно жить стремятся старини
И остро ненавидят молодое.

Укрыв на дне столетних сундуков
Кровавой ржавчиной подернутые
Клады,
Они боятся бурь и оквозняков,
Насыпав в окна нафталин и ладан.

У двора стерегут закорюченные псы,
Чтоб не ворвался свежей мысли шорох,
И днем и ночью вешают весы
Для сытых — золото, а для голод-
ный — порох.

Бесотыден облик старческих стра-
стей,
Наркотиком рожденные улыбки,
И яркий блеск фальшивых челюстей,
И жадный взор, завистливый и лип-
кий.

Здесь правит пир насилие и ложь
И тупость, овященная венками.
И жаждет оскотиться молодежь,
Чтоб радости делить со стариками.

Топта лакеев в золото иварей
Бонтоя должить, что близок час по-
следний
И что стоит, как призрак, у дверей
Суровый, молодой, решительный на-
следник.

2

Страна моя! Зрачками смелых глаз
Ты пристально глядишь в грядущие
отолетья.
Тебя родил рабочий бодрый илаос,
Твои любимцы — юноши и дети.

Ты не боишься натисков и бурь,
Твои друзья — природа, свет и ветер,
Штурмуешь ты небесную лазурь
С энергией, невиданной на свете.

И недра черные и полюс голубой —
Мы все пойдем, отыщем и подыдем.
Как весело, как радостно о тобой
Быть омылыми, как ты, и молодыми!

Как радостно, что мысли нет преград,
Что мир богов, и отарческий и узкий,
У нас не давит взрослых и ребят,
И труд свободный наливает мускул.

Чтоб мыслить, жить, работать и лю-
бить,
Не надо быть ни знатным ни бога-
тым,
И каждый может знания добыть —
И бывший слесарь расщепляет атом.

Страна моя, всемирная весна!
Ты — знамя мужества и бодрости и
чести.
Я знаю, ты кольцом врагов окружена
И на тебя вся старь в поход собра-
лась вместо.

Но жизнь и молодость — повсюду за
тобой,
Твой каждый шаг дает усталым бод-
рости!

Ты победишь, когда настанет бой,
Тому порукою твой немощельский
возраст!

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

СЛУЧАЙ С МАМАШЕЧНОЙ ПРИМИТЕ И ПРОЧ

О КЛЮЧАХ И ОТМЫЧКАХ

Знаменитый Розенберг заявил на-днях, что в каждой области фашисты будут держать в своих руках ключ политики.

А пока что, судя по лейпцигскому процессу, фашисты охотнее, чем к ключу, прибегают к отмычке.

ПРОБЛЕМА БРЮК

Лондонская „Дейли Экспресс“, желающая приобрести подписчиков среди лондонской бедноты, объявила в качестве бесплатной премии к газете — брюки, носки, белье и т. д. Издатели бульварной „Дейли Экспресс“ столько лет помогали снимать с лондонской бедноты последние брюки, что теперь, действительно, не грех вернуть хоть несколько пар. Тем более, что их все равно снимут в недалеком будущем другие дельцы подобного же типа.

КСТАТИ О КОРПУСАХ

Токийские газеты уверяют, что в Манчжоу-Го

набирается придворная гвардия из солдат с красивыми лицами и стройными корпусами.

Последнему не верим. Никаких других корпусов, кроме японских, в Манчжоу-Го пока что найти никому не удастся.

МОЗГИ ПО-БОСТОНСКИ

По сведениям филладельфийской прессы,

бостонские клерикалы объявили, что писатель Эптон Синклер „сидит за город разговаривать с дьяволом“.

После разговора с клерикалами — куда не поедешь. Не только за город, но и совсем из города.

ГРАМЕН

КОРБЮЗЬЕ В РАССТЕГАЙСКЕ

— В котором году вы в последний раз к нам приезжали? — говорил тов. Соломогнин, сопровождая меня по городу, как застройщик по своему новому владению. — Помните, небось, каков был наш городишко? А промышленность? Припоминаете, какая была у нас в Расстегайске промышленность? Промышленность! Консервный завод да чувячная мастерская. Понимаете, чувяки вязали. Голубцы из капусты в томате консервировали. Промышленность! В томате! Ха-ха... А теперь у нас в городе — целые комбинаты... Комбинат номер один, и теперь мы...

Увлечшись, он слегка оступился, и гнилая канавка жирно облизала его желтый, аккуратно вычищенный ботинок.

— И теперь мы, — продолжал тов. Соломогнин, искоса разглядывая грязный ботинок, — как промышленный центр в районе выходим, значит...

Неожиданно он потянул меня за руку.

— Давайте-ка свернем лучше в переулок. Обоз навстречу едет. Переждать нужно. Только осторожнее. Куда же вы? Сюда не ступайте: здесь нехорошо!

Переждав, мы вышли снова на улицу, и Соломогнин продолжал:

— ... Как промышленный центр мы выходим на широкую дорогу культурного стро...

Плавная речь его опять оборвалась.

— Эй, кто это там? Какого там чорта?! — остановился он, задрал голову в зеленой шляпе, с полей которой стекали струйки.

— А тебе какого чорта? — меланхолично спросила женщина из окна мезонина.

— А чего ты, чорта лысого, людей помоями обливаешь?

— Какие помои? Опупел, что ли? Чай спитой, а не помои. Уж и чай спитой вылить нельзя? Нежности какие развели!

— ... Да, так о чем это я? — продолжал т. Соломогнин, пожимая мокрыми плечами и шагая дальше. — Да... Сейчас за углом вы увидите нечто... могу похвастать — это мое детище. Жилкомбинат для кадровиков нашего комбината.

За углом предстало взору детище тов. Соломогнина.

Огромное серое строение высилось над низкорослыми домами районного городка, как слон над кроликами.

— Ну, что скажете? — горделиво спросил Соломогнин, выждав минутку, пока я переведу дух от неожиданности. — А? Каков Корбюзье? Теперь прошу вас, пройдемте. Это вход. Так, а здесь вы имеете залу номер один. Это — приемная для родственников. Дальше конференц-зала номер два — для торжественных пленумов жилищного товарищества. Всего семь зал. Теперь попрошу — выше. Здесь на этом этаже у нас целиком и полностью охватывается группа холостых. Еще выше — группа семейных, а за брандмауэром — группа много-семейных с глушителем, специально против воплей особо шумных детей. Выше — комнатная система заменяется кабинетами для обслуживающего персонала, а система перекидных арок, ведущих из этого в противоположный корпус, является как бы... Нет! каков Корбюзье?! А?

— Видите ли, Корбюзье вообще очень хорош, тов. Соломогнин, это знаменитый французский архитектор, я знаю, но мне хотелось бы...

— Знаю, знаю, вас интересует трансляционный узел радиостанции? Да?

— И узел... и... Скажите, тов. Соломогнин, я видел тут квартиры для семейных и много-семейных. А где же кухни?

— Ну что вы! — воскликнул Соломогнин. — Как можно! Какие могут быть кухни при общественном питании!

— И... уборных тоже... извините, я что-то не видел!

— Верно, уборных действительно нет. Всю эту систему мы стягиваем в один узел общественной уборной, которую выносим в особый павильон, который...

— И еще вопрос, тов. Соломогнин! Какое отопление в вашем жилкомбинате? Я не видел ни печей ни калориферов...

Соломогнин слегка обиженно кашлянул. — Насчет отопления вы, пожалуй... правы. Упустили из виду, понимаете. Летом, понимаете, проектировали. А лето у нас было жаркое... Вот мы и...

Спустившись с этажа кабин, мы проходили по коридору семейных и много-семейных групп. В коридоре на подоконниках и на полу шипели удушливые примусы.

— Осторожнее! — схватил я за руку Соломогнина в конференц-зале.

— Куда вы? Сюда не ступайте. Здесь нехорошо!

— Благодарю вас! — кисло улыбнулся строитель жилкомбината.

Л. МИТНИЦКИЙ

СПУСТИЛСЯ ВНИЗ

Некоторые работники все еще неохотно спускаются на производство.

Сказал он, приходя в горячий раки — Что — кабинет? Рутины он обитель! И вниз спустился... на один этаж В своей итээрковский распределитель. Р. РОМАН

Выход Германии из Лиги Наций приближает угрозу войны.

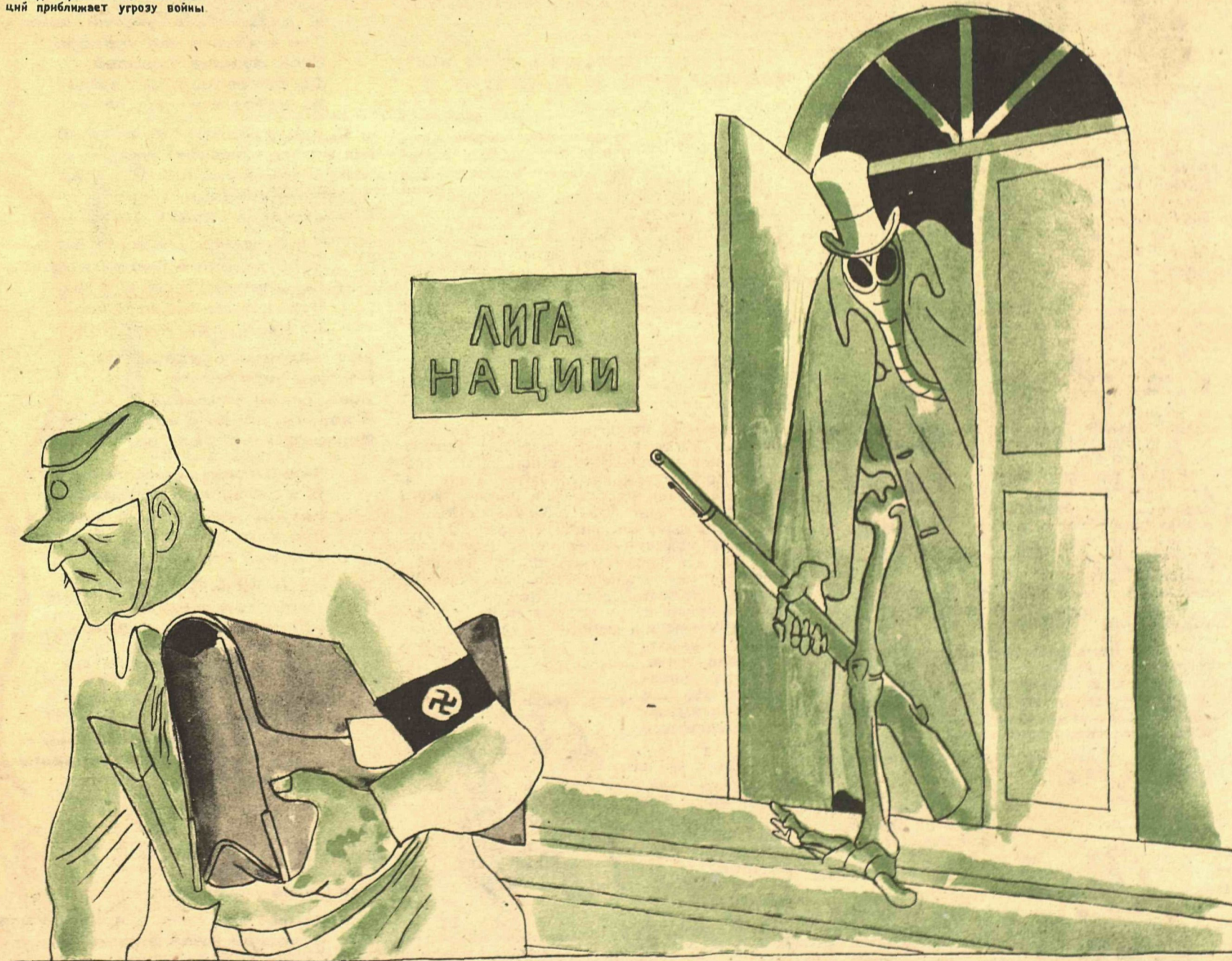

Рис. Л. Бродаты (тема Я. Бельского)

ВОЙНА: — Выходи скорее, а я — за тобой!

Мелкое

Ремесло

Все поджигали понемногу.
Когда-нибудь и что-нибудь.
Теперь поджогам, слава богу,
Совершенно мудрено блеснуть.

Не из Пушкина.

Серию любительских поджогов начал еще в античное время некий грек Герострат. Проживая в заштатном древне-греческом городе Эфесе и томясь полным отсутствием популярности среди друзей и знакомых, упомянутый древний грек уже давно присматривался к местным коммунальным постройкам, наконец, облюбовал не без изящества сделанный храм Дианы, поджег его на скорую руку, чем боги послали, и сразу же сделался именитым гражданином.

— Постойте, посмотрите, какой это Герострат? — говорили после этого солидные эфесцы. — Это не тот самый, который...

— Ну, конечно, тот самый. Который — храм Дианы. Очень веселенький пожарчик был. Остроумный парень этот Герострат, настоящая душа общества.

И к чести Герострата надо упомянуть, что это был убежденный поджигатель, верящий в искусство пожара, как в самоцель. Когда его пытались судить, он не придумывал, что храм поджег какой-то беспаспортный финикиец или семья древне-римских туристов, проездом остановившаяся в Эфесе. Герострат сказал кратко и деловито:

— Насчет чего другого, — не знаю, а пожарчик — моя работа. Так и запишите.

Не менее весело поджигал и Нерон. Легенда уверяет, что поджегши Рим, Нерон быстро влез на собственный балкон и начал играть какой-то модный мотивчик на лире. Может быть, это было и не так, но во всяком случае, тот же Нерон, даже при всей его очевидной развязности и тупости, на орал во время пожара с балкона:

— Братцы! Египтяне! Рим подпалили, — хватая их в мою голову! Сам езжего египетского мещанина с керосином видел. Кто в Юпитера верит, — тащи египтян в участок...

Я нарочно взял в этом разрезе и Герострата и Нерона под свою защиту, чтобы оттенить отсутствие этой античной чистоплотности у поджигателей сегодняшнего дня.

Когда фашисты подожгли рейхстаг, у них не оказалось ни беспечной развязности Герострата ни музыкальных способностей Нерона. Мелкая натура сказала сразу, и с берлинских балконов раздались истошные крики:

— Лови болгар! Хватай голландцев! Держи коммунистов!

И если Герострат гордо прикрывался тогой, а Нерон отыгрывался на лире, фашистские поджигатели в Лейпциге прикрывались только тупым цинизмом, отыгрывались только им, подчеркивая тем самым суетность и хлопотливость поджигательского ремесла.

— Подсудимый Димитров, вас видели перед пожаром в рейхстаге.

— А кто меня видел?
— Ван-дер-Люббе.
— А сам он где был?
— В полицейском участке.

— Как же он мог меня видеть?

— Это не ваше дело. Не вы нас судите, а мы вас.

— Подсудимый Торглер, что вы делали в момент пожара?

— Ел сосиски в ресторане.

— Не оскорбляйте суд. От сосисок пожара не бывает. Пожар бывает, когда льют керосин, потом его поджигают, потом...

— Очень может быть. Вам лучше знать.

— Это, кажется, намек? Защитник, выведите подсудимого из зала и сбегайте за кандалами.

У Герострата свидетелем был целый Эфес. У Нерона — Рим. Фашистские поджигатели организовали для свидетельских показаний какую-то специальную колонию совершеннотлетних преступников, которые, в довершение всего, страшно путаются в своих профессиональных способностях. Сегодня — он просто лжесвидетель, завтра — комбинированный очевидец, послезавтра — научный эксперт, а через три дня — совсем вообще уличный филер.

— Свидетель, вы Димитрова знаете?

— Так точно. Как я есть научный эксперт, все собственноручно видел.

— Что вы видели?

— Все видел. Поджог видел, пожар видел коммунистов видел...

— Значит вы очевидец?

— Сем лет состою в очевидцах при 37-м полицейском участке.

— Но вы же и эксперт?

— Научный-с. Нам без этого нельзя. Жалованье сбавляют.

— Садитесь пока.

— Ничего-с, я постою. Нам при начальстве сидеть не полагается.

Поджигатели прошлого все-таки кое-чего добились. Когда говорят о мировых эксцентриках, всегда сейчас же вспоминают Герострата. Когда художники рисуют для провинциальных музеев исторические картины, всего охотнее они тратят сурик и белила на Нерона, сидящего в дыму и пламени с лирой. О берлинско-лейпцигских поджигателях забудут, потому что для исторической памяти за ними числятся более уголовно-солидные дела. Их не будут рисовать, потому что никого они вдохновлять не могут: вряд ли кто-нибудь захочет впоследствии любоваться портретом полупьяного защитника Зака, кричащего на подзащитных. Это так же скучно и грязно, как половая тряпка.

Поджигатели выродились в мелкую планку. Герострат и Нерон не нашли в них достойных подражателей. И как бы ни шумел лейпцигский процесс, как бы ни делали фашисты из Лейпцига всемирную панораму для обозрения фашистских добродетелей и любви к делу, всем ясно, что в наше время даже организованные поджоги — мелкое ремесло...

НАШИ СТРАДИВАРИУСЫ

В. ГРАНОВ

Взмыл смычок в руке умелой,
И пошла по глади струн
Разбитная тарантелла,
Бубенцами зазвенела,
Завертелась, как бурун.

Старичок с фигурой деки,
Шевелюру теребя,
Опустив сухие веки,
Звуков радостные реки
Жадно впитывал в себя.

Полнозвучно пела скрипка
Под наскоками смычка,
И ехидная улыбка
Выправлялась, как ошибка,
На лице у старичка...

Он с усмешкой безысходной
Пробирался в яркий зал.
И затеей сумасбродной,
Детской выдумкой негодной
Этот конкурс обозвал.

На Пречистенском бульваре
Он метался по пути:
— Вас, маэстро Страдивари,
Ни в одном из полушарий
Никому не превзойти!

И дерзнуть с убогой школой,
Где в почете вой гудков!..
Этой музыке тяжелой
До божественной виолы
Не дойти и в пять веков!

— О, инструмент — не полон!
Вы в него вдохните дух,
Чтоб нежнейшей кантиленой,
Чистотой проникновенной
Наслаждался тонкий слух.

Чтоб упился в полной мере,
Чтоб играла в жилах крови!..
Нет, изящнейшей манеро
Страдивари и Гварнери
Не дано родиться вновь!..

Он к сиденью прилепился,
Вороша воротничок,
Иронически кривился
И ворчал, пока не взвился
Непоседливый смычок.

Звуки яркие, звуки гибкие,
Как татарский древний лук.
Нет, не может быть ошибки —
Это звук советской скрипки,
И какой певучий звук!

Кто же тайною Гварнери
Так искусно овладел?
Он дрожал и твердо верил,
Что покажется у двери
Осиянный скрипкодел.

Он тянул к эстраде шею!
У развешанных ковров
К стенке сдвинулся, синел —
В скромных парах Москвошвей
Ряд советских мастеров.

Поза самая простая —
Никакого божества!..
Он их видел у трамвая...
Значит, вот она какая —
Эта тайна мастерства!

Здесь, в стране, в которой чудо
Навсегда ушло в века,
Средь строительного гуда
Создается амплитуда
От виолы до гудков!

На ст. Перово-Товарная, Моск.-Казанской ж. д., никакой подготовки к зиме не ведется. Заместитель начальника станции ШИМКЕВИЧ говорит: „Что я могу сделать? Я кричу“. Инженер ПОТАПОВ говорит: „Что я могу сделать? Я пишу“. Начальник коммунального отдела района ГАНЦ заявил: „Я дал задание выяснять“. Начальник дистанции пути ЛАЗАРЕВСКИЙ твердо заявил: „Ничего страшного нет. Заморозков в ближайшее время не предвидится“.

ТРОПИКИ В ПЕРОВЕ

Под этим названием была помещена карикатура художников Кукрынико в „Правде“ 10 октября.

Если бы „Крокодил“ устроил диспут по поводу сатиры и представил бы эту карикатуру на высокий суд литературоведов, некоторые высказались бы примерно так:

— Позвольте,—сказал бы один.— Это невозможно. В условиях нашего климата — и вдруг пальмы! Удавы! Попугаи! Это злостное преувеличение!

Карикатура, конечно, всегда преувеличение, но преувеличение художественное. „Если,—сказал Гете,—нарисовать молса, который, как две капли воды, походил бы на настоящего молса,— было бы два молса и ни одной картины“. Если изобразить дорогу, которая, как две капли воды, была бы похожа на фотографию,— было бы две фотографии, но не было бы сатиры.

Лучшим доказательством того, какую действительную помощь приносит сатира, являются те постановления, которые выносят партийные органы по карикатурам „Правды“. Вслед за решением Харьковского обкома по карикатуре Кукрынико, вышеприведенная карикатура взбудоражила партийную организацию Казанской дороги. Политотдел Моск.-Каз. ж. д. постановил СНЯТЬ С РАБОТЫ ЗА САБОТАЖ И БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ВЫПОЛНЕНИЮ РЕШЕНИЯ ЦК и СНК ПО ПОДГОТОВКЕ К ОСЕННЕ-ЗИМНИМ ПЕРЕВОЗКАМ СЕКРЕТАРЯ ЯЧЕЙКИ СЛУЖБЫ ДВИЖЕНИЯ СТ. ПЕРОВО ГРАЧЕВА И ЗАМ. НАЧ. ШИМКЕВИЧА, ОБЪЯВЛЕННЫ ВЫГОВОРЫ СЕКРЕТАРЯМ ЯЧЕЕК СЛУЖБЫ ПУТИ ИВАНОВУ И ВАГОННОГО ДЕПО ЕГОРОВУ.

Дорогие товарищи литературоведы по вопросам сатиры! Примите это к сведению для будущего диспута о конкретной пользе сатиры.

Велосипед нестерпимо сверкал. Это был замечательный, новенький велосипед. Ну, прямо, как человек, только что вышедший из парикмахерской.

Тов. Окунь уверенно нажимал никелированные педали. Стоял янтарный сентябрьский день. Окунь победно звонил даже тогда, когда впереди никого не было. Он как бы хотел прокричать на весь город:

— Глядите. Это я — Сережа Окунь, это я достал такого чудесного, сверкающего коня Московского велозаводства.

Сережа забыл о том, что еще три года тому назад на службе девушка с задумчивыми глазами предлагала ему подписаться на велообязательство, что его товарищи по этим обязательствам уже давно получили машины.

— Подумать, какой это скучный и унылый путь! Так ведь каждый может,—рассуждал, перебирая педали Сережа.— А вот попробуйте бороться, как я: звонить по телефо-

нам, лебезить, заискивать, получать и трепетно вручать записочки, и тогда вы поймете всю сладость обладания.

Ясно, что Сережа был неисправимым романтиком.

И теперь он обезжал своего драгоценного стального скакуна. Он несся, как победитель, с высоко поднятой головой, но в эту минуту откуда-то снизу раздался подозрительный и ехидный свист. Тов. Окунь сразу спустился с облаков и явственно почувствовал соприкосновение с землей.

Он спрыгнул с машины и с ужасом увидел, что задняя шина обмякла, как челюсть старика.

Есть люди, которые с насморком обращаются к лучшим профессорам. Сережа твердо решил, что ему может помочь только главный инженер велозавода.

Начались судорожные поиски знакомств и связей. Как удалось выяснять Сереже, главный инженер был женат на двоюродной сестре близкой приятельницы тети его жены.

К концу недели, захывшись, он перебрался уже через тетию и ее близкую приятельницу к двоюродной сестре. Отсюда открывался прямой путь к главному инженеру.

— Пустяки,— сказал инженер, мельком взглянув на колесо,— смените винтильную резинку.

Вздых облегчения со свистом вырвался из груди товарища Окуня. Так вздыхают мнительные молодые люди, когда слышат из уст

виднейшего кардиолога, что, кроме насморка, у них ничего нет.

Сережа воспрянул духом. Широкое поле деятельности открывалось перед ним.

— Спасибо! Пока! Кланяйтесь жене! — кричал он, сбега с лестницы.

— Куда вы? Подождите. Вот вам резинка,—неслось ему вдогонку.

Но Сережа уже ничего не слышал. Он был поглощен разработкой генерального плана овладения винтильной резинкой.

Перед ним расстилалась Москва, одетая в кружево лесов. Рыли метрополитен, строили и надстраивали дома, заливали асфальтом улицы. Но Окунь ничего не видел.

— Сначала — в Главное управление резиновой промышленности. Если не выйдет, через Петра Львовича — в Резинобыт. Параллельно напустить Люсю на Пал Пальча, позвонить Капустину, может быть он устроит через управление делами. Получить у тов. Филя контрамарки в театр и раздать кому следует. Где-нибудь клюнет.

И весь день неисправимый романтик комбинировал, рассчитывал, прикидывал.

Потом началась лихорадочная деятельность. Но Сереже явно не везло. В одном месте отказали за отсутствием фондов, в другом шел переручет, в третьем нужный человек перешел на другую работу, в четвертом — уехал в отпуск, в пятом..

Он шел по улице, опустив голову и обмякнув, как задняя шина его велосипеда.

Неожиданно он остановился у магазина Резинотреста. На витрине была искусно выведена огромная рекламная надпись. Подойдя ближе, он с ужасом увидел, что эта надпись выложена из той самой винтильной резины, на получение которой по знакомству он потратил целый месяц напряженного труда.

— Вот, так просто, зайти и купить. Точно я самый обыкновенный гражданин? Нет, это невозможно!

И велосипед, нестерпимо сверкающий на солнце велосипед, сразу потускнел в его сознании и покрылся густым слоем пыли.

— Подумаешь, машина! — сказал он с озлоблением. — Верти целый день ногами, уставай, наживай порок сердца. Кому это нужно?

Сережа круто повернул прочь от витрины. Он шел по улице, и как нарочно витрины назойливо лезли ему в глаза:

Обувь. Мануфактура.
Мосторг. Осенний базар.
Большой выбор предметов ширпотреба.

„Что делать? Как жить? — мучительно думал он.— Романтика кончилась. Начинается скучная жизнь!“

Грязь в грязелечебницу привозили в огромных бочках; ревматики и ишиатики приезжали сюда большей частью в трамвае, а грязевщица Клаша Черешнева приходила на службу пешком.

Собственно говоря, Клаша уже месяца два как переехала из деревни в город, но до сих пор не могла привыкнуть к трамваю. Первые же ее попытки воспользоваться этим дешевым и привычным для горожан способом передвижения поселили в ней антипатию к огромным грохочущим коробкам, набитым людьми, словно мешок овсом. В трамвае ее дважды обозвали дурой, разодрали сверху донизу новую канареечного цвета юбку, а когда она от горя завывала на весь вагон, какой-то старичок в синих очках посоветовал нанять катафалк, если, мол, ей тут не нравится.

— Там даже лежать можно, — сердито прибавил он и пихнул Клашу острым локотком в бок.

Грязевое отделение напоминало Клаше баню, и ей первое время это даже нравилось, но затем надоело, а от сероводорода, выделяемого грязью, начала часто кружиться голова. Работу она стала выполнять механически, совершенно не отдавая иногда себе отчета в том, что она делает, и нередко обмазывала больной руку, в то время как у этой больной ревматизму была подвержена совершенно противоположная конечность.

Однажды, накладывая тонким слоем маслянистую тимоуканскую грязь на чьи-то изуродованные ревматизмом ноги, Клаша случайно взглянула на их обладательницу. У пациентки были большие серые глаза и прямые, как воронье перо, ресницы. Это было лицо молодой крестьянской бабы, простое и свежее, как родниковая вода. Женщина эта, очевидно, пришла сюда впервые, одежды, по которой в ней можно было узнать крестьянку, на ней не было, но Клаша почему-то сразу решила, что больная — крестьянка, и, наверное, даже ее землячка.

— Эка, у тебя как ноги покарежило, — сказала она, — и кивнула на суставные косточки пациентки, вздувшиеся сизыми шарами.

Большая разом распахнула свои тяжелые ресницы и сказала равнодушно:

— Простудила я их.

— Где ж это такое? — полюбопытствовала Клаша.

— Да уж где простудила, там и простудила, — ответила больная. — На войне я была. — На вой-не-е?..

Клаша перестала размазывать грязь на коленке у больной и удивленно посмотрела на нее. Та засмеялась.

— Ты что на меня уставилась? Чудно, что ли? У меня муж всю гражданскую войну воевал С ним я и шагала: куда он, туда и я. Понятно теперь?

— Понятно, — тихо ответила Клаша, но соврала. Совсем ей не было понятно, почему это баба да вдруг с мужиком на войну пошла.

— Ты из какой деревни? — спросила она, минуту подумав.

— Я? — больная удивленно взглянула на нее: — Я из села Девушкина, а что?

— Да ничего. Я так... И мужик твой откуда же?

— Мой мужик? — повторила, улыбаясь, больная. — Нет, он городской. Из рабочих, — она вдруг взглянула на свои ноги, измазанные грязью, и укоризненно покачала головой: — Э-э, милая, да ты не там кладешь грязь. Ты вон где клади, вот здесь у меня самая ломота.

К концу процедуры Клаша окончательно сдружилась со своей новой знакомой. Она уже называла ее Анютой и без умолку тараторила про свою деревню. Анюта степенно поддерживала разговор и охотно нюхала грязь, когда Клаша приглашала ее убедиться, что тимоуканская черная жижа пахнет навозом.

— Только не конским. Никак не конским. Это скорей коровий запах, — серьезно резюмировала она, нюхая горсть вонючей кавказской грязи.

После процедуры Анюта отдохнула и собралась уходить. Клаша как раз сменилась и тоже направилась к выходу.

— Так ты говоришь, трамваев боишься? — спросила, смеясь, Анюта, когда они вышли на улицу.

— Боюсь, — уныло созналась Клаша. — Там эти старики бодаются, как бешеные быки.

— Ну и глупо. Не каждый же день тебе там юбки рвать будут. Надо привыкать, раз уж в город перебралась. А не то, если хочешь, давай поедем вместе, — вдруг предложила Анюта. — Сейчас за мной мой муж прикатит... на своей телеге... — добавила она с усмешкой.

— Давай поедем, — охотно согласилась Клаша.

Перспектива неожиданно прокатиться через весь город на телеге ей очень понравилась. Она вдруг вспомнила, что давно уже не ездила в телеге, и ей нестерпимо захотелось поскорее вскарабкаться в этот просторный брехатый возок и трусцой покатиться в нем по гладкому асфальту. Она уже ясно представила себе, как подкатит к парадной анютин мужик и весело крикнет:

— Эй, бабы, девки! Полезай, что ли! Ехать так ехать!

— А вот и муж, — сказала вдруг Анюта, — и пошла к мостовой.

— Клаш, а Клаш! Ты что ж не идешь? — окликнула она Клашу.

Только тут Клаша сообразила, что ее новая знакомая направляется к красивому, сверкающему, как новый самовар, автомобилю с маленькой никелированной собачкой на передке, приготовившейся к большому прыжку.

Машина эта, поблескивая жирными кофейными бликами, бесшумно подплыла к парадной грязелечебнице, и из нее, распахнув дверцу, выглянул плечистый с обритой головой военный с ромбами на воротнике и орденами на груди. Он вопросительно поглядел на Анюту, потом на скуластую девицу в канареечной юбке, которую та звала с собой, и приветливо крикнул:

— Товарищ Клаша! Садитесь, пожалуйста, подвезем!

Этот окрик вывел, наконец, Клашу из оцепенения. Она растянула губы в улыбку и неловко полезла в машину.

Г. ГРЕБНЕВ

О ВРЕДЕ КУРЕНИЯ ТАБАКУ

Нижеприводимая поучительная история лишней раз свидетельствует о том, сколь вредно употребление табачных изделий, в особенности для работников товаропроводящей сети.

Директор старобельского отделения Довбассторга тов. Поляков распорядился отпустить папиросы только своим сотрудникам.

Козьма Прутков сказал бы по этому поводу:

— Помни, что выкурить можно не только папиросу, но и самоснабжалу.

ПРОСТИТЕ ЗА БЕСПОКОЙСТВО

С удивлением прочли мы приказ тов. С. М. Франкфурта по Кузнецкому металлургическому комбинату:

Рав'ясняю, что допривычки привлекаются для прохождения сбора за счет очередного отпуска.

Хотя тов. Франкфурт и является одним из наших лучших хозяйственников, однако и ему не мешает пройти небольшую переподготовку по вопросам советского законодательства. Это будет полезно и для него и для окружающих.

ТОРГОВАЛИ — ВЕСЕЛИЛИСЬ, ПОДСЧИТАЛИ — ПРОСЛЕЗИЛИСЬ

Граждане, если вам нужно купить автомобиль, разыщите тов. Легенченко, зам. управляющего Луганской конторой Укржилкоопстроя как совершенно незаменимого специалиста по автомобильному делу.

Тов. Легенченко вместе с шофером был командирован на 42 дня в Днепрпетровск для покупки автомобиля. Купленный «Лаклард» за 40.000 рублей по акту экспертизы в среднем изношен на 60-70%. Стоимость машины не превышает 3.000 рублей. Купленная машина с места сдвинуться не могла. И на всех ее частях работает только гудок.

За один гудок 40.000 рублей — это, пожалуй, все-таки дорого. Мы продадим о подвигах т. Легенченко на весь СССР значительно дешевле, всего только за 30 копеек.

ВЕСКАЯ ПРИЧИНА

Рис. А. Топикова (тома А. Бухова)

— Будь у меня свободное время — Маркса бы почитал...

— А чем вы так заняты?

— Марксистский кружок у себя на предприятии веду.

SOS!

С хищениями грузов на многих железных дорогах дело обстоит явно неблагоприятно. Но рекорд побит Московско-Казанской ж. д. На днях неизвестными злоумышленниками украдена целая железнодорожная станция с пакугазами, платформами, стрелочниками и даже начальником. В редакцию поступило 15 телеграмм, представляющих небольшую толику огромной переписки, которая, как буря, замела телеграфные столбы М.-К. ж. д.

... Прибыла платформа № 950909 станция назначения Торфопродукт вот такая станция но обнаружена тчк груз гниет что делать
... Ковлов не принимает насосов адресованных торфопродукту наименеем таковой станции тчк раз'ясните.

Хорошо еще, что пока пропадают только железнодорожные станции. А то, чего доброго, не доглядят, а Казанского вокзала и нет — сперли.

ПРИКЛАДНАЯ ПОЭЗИЯ

Трудно написать хорошие стихи о настоящем живом человеке. Но из этого не следует, что для облегчения поэтической работы следует писать об отдельных частях человеческого организма — горле, ухе, носе и т. д.

Любая литературная организация согласится с этим положением, но некоторые научные организации думают несколько иначе. Так, в Ленинградском институте уха, горла и носа стены расписаны следующими стихами:

Голос сильный, слов не слышно,
Так лечи свою гортань.
Обратись к врачу поспешно,
Организм ты свой не рвань.
Закалай ты свое тело,
Закалай своих детей,
Сделай это ты ушло
Против насморка дружнее.

Продолжить такую унылую стен-поэзию легко и просто. Например:
Сохраняй бодрость духа,
Осторожнее держись:
И не тыкай спичкой в ухо
И на гвозди не садись.

Или

Если в пятке боли много,
Так займись сейчас ногой!
Заменить не вадумай ногу
Оконечностью другой.

О таких стихах можно сказать только одно, что они действуют, как аспирин: от них бросает в пот.

РАССКАЗЫ БЕЗ ФАМИЛИИ

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ ЗАПАХ

Некий человек подошел к складу, в котором гнила картошка, и спросил у заведующего:

— Чем это здесь пахнет?

— Судом,—грустно, но убежденно ответил заведующий.

ПРИМ. РЕД. Заведующий был прав.

ПОЕДАНИЕ ПЛОЩАДИ

У одного школьного завхоза спросили, на какой улице он живет.

— Я живу не на улице, а на площади.

— А на какой?

— Ну, конечно, на школьной.

ПРИМ. РЕД. Фамилии означенного завхоза мы не помним. Фамилии других, занимающих школьную площадь, можно найти ежедневно на страницах газет.

ВРЕДНЫЙ ДЯДЯ

Одному транспортному дяде сказали:

— Слышали? Наши ученые уже ядро атома разбили...

— Ученым все можно,—сердито ответил транспортный дядя,— а вот если наш брат хоть один товарный вагон разобьет, так и за это греют.

ПРИМ. РЕД. Транспортный дядя был очень вредным дядей.

О ЖУЛИКЕ И ТАРЕЛКЕ

Один пожилой, но еще не пойманный жулик, таскал из ОРС кое-какие продукты. Однажды он хмуро отодвинул от себя плохо поджаренную баранину, уткнув ее незаконно из ОРС.

— Сегодня какая-то странная баранина,—сказал он недовольно.

— Ну, еще бы,—согласилась с ним домработница,— баранина чувствует себя не в своей тарелке.

ПРИМ. РЕД. Баранина остается бараниной, а жулик—жуликом.

ДНЕВНИК „КРОКОДИЛА“

12 ОКТЯБРЯ. В последнее время я стал особенно внимательно следить за детской печатью. Вчера ничего не подозревая, раскрыл „Пионерскую правду“ и вдруг на пятой странице обнаружил, что у меня родился сын—„Юный Крокодил“. „Пионерская правда“ обращается по этому поводу к своим читателям:

— Поздравьте „Крокодила“

Все те, кто с ним знаком:

Природа наградила

Его на-днях сыном.

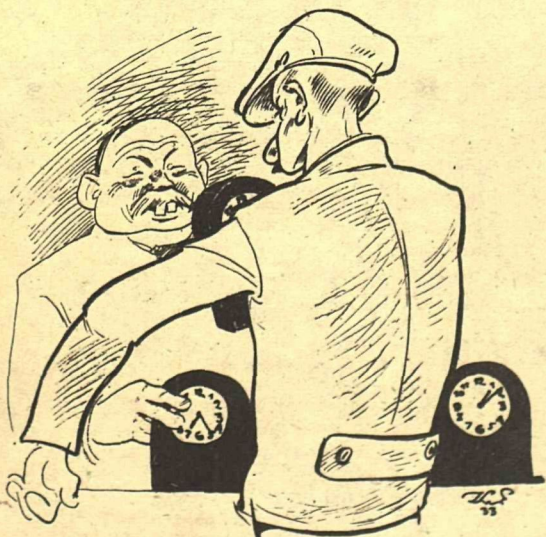
Еще хлопот прибавилось: надо срочно помочь сынку встать на ноги и отрастить зубы. Он должен стать достойным пионерского галстука, которым наградила его „Пионерская правда“.

Положение обязывает. Обзаведясь собственным сыном, я невольно вошел в круг детских тем и готовлю теперь специальный номер „О детях“.

20 ОКТЯБРЯ. Только что вернулись мои бригады с Екатеринбургской и Октябрьской дорог. Улов огромный. Постановление СНК и ЦК о ж.-д. транспорте кое-где спущено на тормоза. Зам. наркомпути тов. Благодеров издал особый приказ по материалам моей бригады с Октябрьской. Моя работа внештатного инспектора НКПС, как видно, оправдывает себя и приносит плоды.

28 ОКТЯБРЯ. Вчера был на Перовском вагоноремонтном заводе, под Москвой. Там, по заданию Политуправления НКПС, готовят вагон для моей выездной редакции. Итак, в путь! Ждите сообщений с дороги!

Рис. К. Елисева (тема Я. Бельского)

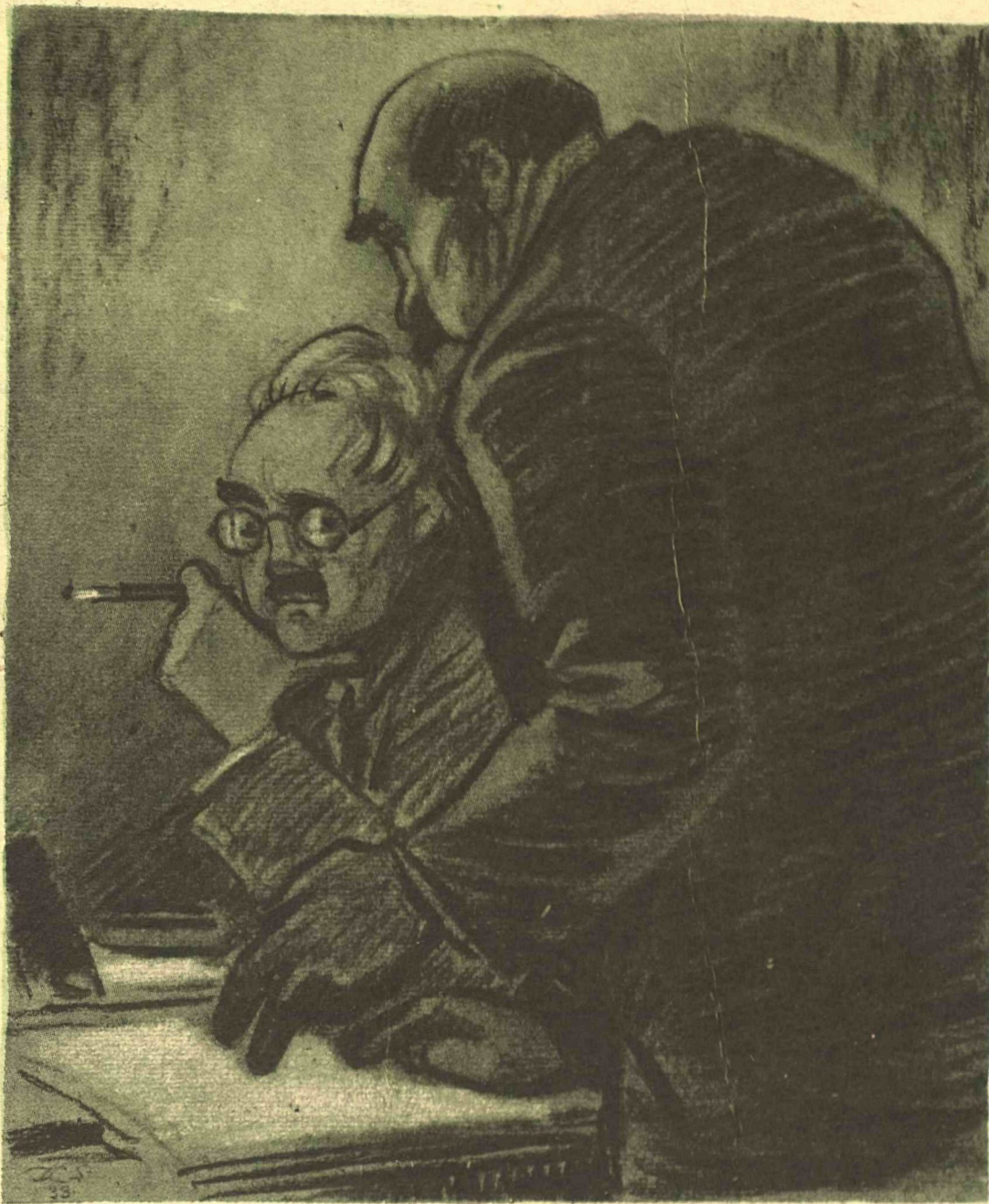
— Что, эти часы надо заводить ежедневно?

— Нет, только первые три дня, на четвертый они уже сломаются...

ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

В системе Госторгавли чрезвычайно либерально относятся к растратам, сумма которых за полгода составляет 12 миллионов рублей.

Рис. К. Елисева (тема Ю. Ганфа)

БУХГАЛТЕР:—У нас разворовано на 20 тысяч 34 рубля. Как быть?..

ЗАВ:—Вот что! на 34 рубля подадим в суд, а остальное спишем...

ПЕРЕДАЧА ОРДЕНА

Случай передачи ордена „Крокодила“ из одних рук в другие еще впервые встречается в нашей практике, но мы не бюрократы и охотно приветствуем всякое полезное новшество, даже в столь торжественном деле.

Гражданин Лабутин! Вам как работнику контрольно-справочной службы Управления почтовой связи был дан орден „Крокодила“ за волокиту с деньгами т. Холмогорова. Ныне выясняется, что волокита была, и я достаточной степени безобразная, но виноваты в ней не вы, а...

Вот выдержка из письма зам. нач. Управления контроля:

„Сам факт безобразной волокиты и заметка в „Крокодиле“ полностью подтвердились. Конкретные виновники выявлены и привлечены к ответственности. Это работники Центрального телеграфа — Артамонова, Яношкина, Мишдлин и Богданов. Награждение орденом т. Лабутин и 31-го почт. отделения ошито... Поэтому я прошу редакцию „Крокодила“ орден „Крокодила“ передать Центральному телеграфу г. Москвы в лице конкретных виновников — Артамоновой, Яношкиной, Мишдлина и Богданова.“

Предложение принимается.

Совершенно не иронически мы приветствуем дружеское вмешательство в раздачу орденов „Крокодила“!

Гражданин Лабутин! Поздравляем вас с отнятием ордена „Крокодила“ и объявляем очередными носителями его гр. Артамонову, Яношкину, Мишдлина и Богданова. Пусть носят, раз заслужили!

Церемония передачи ордена закончена. Кандидаты на следующие ордена, приготовьтесь!

АРХИВ
10 ИЮНЬ 1933
Г. Ц. К. П.

САДКО БОГАТЫЙ ГОСТЬ: — Многих режиссеров я видел. И только режиссер Эпрон поднял постановку „Садко“ на уровень социалистического реализма.

О КАЧЕСТВЕ

Он прямо к редактору подошел.
И тоном обычно сухим
Редактор сказал ему:
— Хорошо,
Оставьте ваши стихи!
Но тут редактору бросил поэт:
— Для лучшего молодняка
Вы можете дать немедля ответ
Насчет стихов от станка!
И в первый и неповторимый раз,
Подняв удивленно глаза,

Редактор, боясь оторваться от масс:
— Присядьте, — поэту сказал.
И... дактилем начал проситель свою
Авто-биографию.
— Я поднял в стихах социальный вопрос!
(Поэт становился смелей).
Я член, товарищ редактор, мосгоркома писателей!
Я вам покажу на фоне любви
Портрет своего лица!

Я вызван в литературу и...
Я должен печата-тца!
Я в толстый журнал дарованье принес!
Вы видите мой поэтический рост?..
И принял редактор, в беседе устав,
Поэму на три с половиной листа...
●
Меня в битком набитом трамвае
Читатель спросил вчера:
— Скажите, что-нибудь понимают
В поэзии редактора?
Но что ответить, я право не знал —
Я только что принят был в толстый журнал...
СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ